

государства турецкого султана Мухаммеда II встречалось уже в «Записках янычара» Константина из Островицы, появившихся в Польше в начале XVI в. и, возможно, известных Пересветову;⁷⁵ светская концепция государства, программа реформ в государственном управлении и судопроизводстве, программа реорганизации армии и борьбы со злоупотреблениями — все это сближает Пересветова с крупнейшими польскими политическими писателями (писавшими уже после отъезда Пересветова в Россию) А. Фрыч-Моджевским и Миколаем Реем.⁷⁶

Но если в русском обществе XVI в. продолжали существовать, как и в XV в., идейные течения, близкие тем, которые развивались в Чехии и Польше, то отношение правящих кругов к этим течениям было совсем иным, чем в предыдущее столетие. Вплоть до конца XV в. еретическое движение на Руси не встречало серьезного противодействия со стороны великокняжеской власти: одним из виднейших деятелей этого движения был ближайший сподвижник Ивана III Федор Курицын, и сам Иван III, очевидно, считал возможным использовать некоторые учения еретиков (выступления против монастырей) для нужд своей политики. В этом отношении он сходилась со многими европейскими монархами — представителями «королевской» и «княжеской» реформации XV—XVI вв. Но с начала XVI в. положение изменилось. Идеи «реформации сверху» не получили развития в сколько-нибудь широких слоях господствующего класса Русского государства; еретики, рассуждавшие о том, «яже бог не повелел» (в том числе о вопросах общегосударственного неравенства), объективно оказывались антифеодальными идеологами. В начале XVI в. бывший покровитель еретиков Иван III санкционировал жестокою расправу над вольнодумцами. В XVI в. планы «княжеской реформации» больше не встречали поддержки со стороны государственной власти; ни Василий III, ни Иван IV не покровительствовали еретикам. Иван Грозный мог вести вполне дружественные переговоры с иноземными «люторями» — дипломатами и купцами; во время Ливонской войны он даже объявил протестанта — датского принца Магнуса — королем Ливонии под своим протекторатом и выдал за него замуж свою племянницу, обвенчав молодых супругов по смешанному протестантско-православному обряду.⁷⁷ Но все это были чисто дипломатические действия; среди своих русских и новоприсоединенных подданных царь не терпел «люторей». Он принимал непосредственное участие в соборах середины XVI в., осудивших Башкина, Косого и других еретиков. Начав Ливонскую войну (и военные действия против Польши) с резких антипротестантских лозунгов, Грозный уже в 1563 г. на деле доказал свою враждебность реформации, жестоко расправившись в Полоцке с одним из сподвижников Косого — социнианином Фомой.⁷⁸ Решительным противником всякого «люторства» показал себя Иван IV и в 1570 г., во время диспута с представителем секты «чешских братьев» Яном Рокитой. Дипломатические соображения (Рокита был членом польского посольства, заключившего важное для Грозного перемирие) и данное заранее обещание помешали царю возложить «опалу» на смелого проповедника, но, объявив Роките, что он «не токмо еретик», но «и слуга антихристов дияволь-

⁷⁵ Сочинения И. Пересветова, стр. 291, 312. О польском переводе Константина из Островицы (Михаила Константиновича) ср.: A. Brückner. Literatura polska. Paris (6. г.), стр. 22—23.

⁷⁶ А. А. Зими́н. И. С. Пересветов и его современники, стр. 437—440.

⁷⁷ Д. Цветаев. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований, стр. 212—213

⁷⁸ Ср. известие польского хрониста Андрея Венгерского в переводе И. Малышевского: И. Малышевский. Подложное письмо половца Ивана Смеры к великому князю Владимиру Святому, стр. 522—523